

Православное обозрение

1866. Том 19

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П68

П68 Православное обозрение: 1866. Том 19 / – М.: Книга по Требованию, 2021. –
776 с.

ISBN 978-5-458-03049-6

ISBN 978-5-458-03049-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

удѣхъ моятъ, противовоюющъ закону ума моего, и плѣкнющъ мѣ окрѣпѣхъ правдонымъ; не еже бо хочу, сіе творю; но еже не хочу, то содѣваю (*),—эти слова точно выражаютъ всеобщія жалобы на несчастное раздвоеніе въ самомъ человѣкѣ—между его лучшимъ нравственнымъ познаніемъ и его противу-нравственнымъ влеченіемъ. Такихъ образомъ, грѣхъ—эта малость для вѣнхъ—есть не только *вражда на Бога*, противорѣчіе съ Богомъ, но вражда, противорѣчіе съ собстvenною природою человѣка.

Эта-то враждебная сила, воюющая въ насъ на насъ самихъ, завоевала себѣ мѣсто и въ нашемъ познаніи,—производитъ и въ этой области, какъ во всѣхъ прочихъ, раздоръ, противорѣчіе, которыхъ самоотвѣтственный, послѣдовательный исходъ—безнадежность знанія и безутѣшность сомнѣнія. Такихъ именно исходомъ и окончила мудрость древняго, дохристіанскаго человѣчества: отчаялись въ самой возможности найти вообще истину. *Что есть истина?* что такое истина? развѣ всё не мечта только, не обманъ, не сонъ?—какъ бы такъ говорить, въ лицѣ Пилата, весь древній міръ Христу, Божіей Премудрости, *пришедшей сѣдѣтельствовать объ Истинѣ* роду человѣческому, до смерти отчаянія изнемогшему во всяческихъ, внѣшнихъ и внутреннихъ противорѣчіяхъ.

Такъ, грѣхъ, будучи противорѣчіемъ нашей природы, есть противорѣчіе и нашему разуму; но онъ не есть противорѣчіе самой нашей природы и существа нашего разума. Противорѣчіе природы самой себѣ немислимо, оно есть небытіе, ничто. Начало всякаго бытія есть согласіе, а не раздоръ: и если *всякое царство, раздѣлившееся на ся, запустѣетъ и всякій градъ или домъ, раздѣлившійся на ся, не станетъ* (**):

(*) Рим. VII, 15, 23.

(*) Мтѣ. XII, 25, 26.

то тѣмъ паче невозможна жизнь существа, себѣ самому своимъ же существомъ противорѣчащаго. Это простое соображеніе должно вразумить всякаго размышляющаго, какъ глубоко истинно ученіе Вѣры о томъ, что грѣхъ чловѣка есть слѣдствіе искушенія, представшаго ему извнѣ, а не есть явленіе, исходящее изъ самой природы чловѣка: мы видимъ въ ней борьбу добра со зломъ, заблужденія съ истинной, стремленіе къ добру, стремленіе къ истинѣ, но никакъ—полное царство зла, грѣха, заблужденія; чему надлежало быть, еслибы чловѣкъ самъ былъ породителемъ грѣха, отцемъ жи. Но нѣтъ, — какъ ночь дѣлаетъ невидимыми для насъ предметы, а не уничтожаетъ ихъ своимъ мракомъ: подобно сему тма грѣха объяла существо чловѣка, но не извратила въ конецъ, не претворила его истину въ ложь. Отъ того-то темное для насъ, но не само въ себѣ темное, чувство нашей души всегда было и будетъ за истину и за добро, которое само есть истина: ибо и душа наша — все-таки отъ Истины, отъ ея Божественнаго дыханія. Грѣхомъ мы удалились отъ предначертаннаго намъ пути, но не отверглись отъ любви къ его истинѣ: порукою въ томъ — нашъ стыдъ, нашъ страхъ предъ истиной, нашъ вопль о ней, подвиги нашего исканія, нашего хожденія за нею; мы — какъ бы блуждающія кометы, сбившіяся съ правильнаго пути, однако движемся не въ области привлекающей и привлекательной, любезной намъ силы истины.

Иные, можетъ быть, подумаютъ, что говорить о грѣхѣ въ вопросѣ о познаніи значитъ усиливаться говорить о предметѣ слишкомъ далекомъ и, по видимому, даже постороннемъ ближайшему дѣлу.—Нѣтъ, это—не посторонній здѣсь предметъ. Не намъ, конечно, понимающимъ важность началъ, или, какъ говорятъ вообще принципвъ,—не намъ говорить, какъ

о постороннемъ дѣятельности духа человѣческаго, объ изначальномъ роковомъ актѣ человеческой свободы, составляющемъ главный узелъ всей исторіи, равно исторіи и познанія. Вліяніе сердца и воли на высшее познаніе уха неудалимо: *отъ сердца исходятъ помышленія*; воля притомъ, какъ дознаеть и совершенная наука, непосредственно входитъ во всякое знаніе и познаваніе,—самоопредѣленіе мысли въ концѣ концовъ есть не что иное, какъ дѣйствіе воли. Если я не желаю познавать, то и не дойду никогда до познанія. — Особенно же тѣсное отношеніе между волею и разумомъ является въ дѣлѣ познанія высочайшаго, духовнаго, познанія предметовъ Вѣры,—истины Премудрости Божіей. Ибо она предлагаетъ человѣку познаніе не тѣхъ или другихъ причинъ и такъ называемыхъ законовъ — ближайшихъ, которые всѣ суть не что иное, какъ посредствующіе ряды дѣйствій причины и закона изначальнаго, — но она предлагаетъ намъ познаніе именно этой причины и этого закона, который напрасно считаютъ отдаленнымъ,—напротивъ, онъ въ сущности есть самый ближайшій къ истинѣ. *Уразумѣте истину, и истина свободитъ вы*, изрече Само-Премудрость. Отъ чего свободитъ? — отъ грѣха, отвѣтствуетъ Она же: *всакъ, творий грѣхъ, рабъ есть грѣха. Аще Сынъ Божій свободитъ вы, во истину свободни будете* (Іоан. VIII. 32, 34, 36). Вотъ познаніе какой истины есть познаніе Вѣры, — прежде всего, что корень, основная причина, основной законъ всякой лжи, всѣхъ противорѣчій, всѣхъ заблужденій, — самое тяжелое иго, гнетущее насъ, есть грѣхъ; потомъ,—что полное освобожденіе отъ грѣха совершается любовію Сына, который есть *Истина и Жизнь* истинная.—Какъ же говорить, что слово о грѣхѣ есть далеко-постороннее въ словѣ о познаніи? Кто не видитъ сей близости, тотъ *не хочетъ* видѣть, и такимъ своимъ расположеніемъ, не въдая того, лишь дѣятельно доказываетъ великое значеніе грѣховной свободы въ дѣлѣ познанія.

Какъ же однако, спросить, относиться къ существующимъ несогласіямъ въ названіи человѣческаго и Откровенія премудрости Божественной, къ даннымъ противоположностямъ выводовъ науки и созерцаній Вѣры?

Недостало бы намъ времени, входить здѣсь во всѣ подробности сего многовѣковаго вопроса, иныхъ воляющаго покрепче, другихъ занимающаго только праздное любопытство, — у иныхъ идущаго отъ трепетнаго смиренія, у другихъ отъ самоувѣренной гордыни. Довольно, если мы вспомнимъ къ взаимному назиданію, что выставляемыя противоположности идутъ не со стороны науки, а тѣхъ или другихъ наукъ. Въ условіяхъ нашей жизни, раздѣленіе умственного труда неизбежно также, какъ раздѣленіе и прочаго труда; пусть же помнитъ каждое отдѣленіе труждающихся, что они разрабатываютъ только часть великаго цѣлаго, слѣдовательно — видятъ не все, а только нѣчто, — подчиненное, а не господствующее, и свой безусловный смыслъ итиющее не въ себя, а въ связи съ цѣлымъ великимъ міромъ единой истины. — По видимому, можно бы дать цѣну рѣшительнаго вывода науки вообще — совокупному выводу всѣхъ изысканій различныхъ наукъ. Но для возможности такого вѣроятнаго вывода нужно еще время, ибо и каждая изъ отдѣльныхъ наукъ далеко не совершила всего труда, подлежащаго ей въ ея тѣсной области. Нельзя требовать плода, прежде чѣмъ подрастетъ дерево. — Но и за всѣмъ тѣмъ, существо дѣла требуетъ, не обольщаться представленіемъ, будто итиющій современемъ открыться, чрезъ человѣческое познаніе, завершенный образъ истины будетъ, можетъ статься, какою-либо противоположностію созерцаній Вѣры: за нихъ, помимо всего другаго, то самое, неясное пока чувство истины, отъ котораго собственно всегда исходило и исходитъ самое стремленіе знанія и которое, изъ глубины своей природы, какъ бы предъугадываетъ характеръ буду-

щихъ выводовъ полной науки, и иначе представить себѣ не можетъ этой полноты будущаго знанія, какъ въ совершенномъ его согласіи съ Божественною истиною.— Если св. апостолъ Павелъ въ своей проповѣди нѣкогда ссылаясь на слова поэта Арата, то почему и намъ не сказать здѣсь словами одного изъ примѣчательнѣйшихъ современныхъ намъ людей науки, сказанными имъ необинуясь во всеуслышаніе міра ученаго по преимуществу: «Споръ между наукою и Вѣрою есть совсѣмъ ненужная мука, причиняемая нами самими себѣ изъ-за слишкомъ ранняго перерыва нашихъ научныхъ изслѣдованій.»

Что же наконецъ? Созерцанія Вѣры дороги нашему сердцу и, по его глубокому убѣжденію, — истинны безусловно; но и къ извѣстнымъ наукамъ мы не можемъ не имѣть справедливаго уваженія, — притомъ же въ обыкновенной жизни, болѣе или менѣе всѣ молча пользуются выгодами, представляемыми тѣми или другими открытіями наукъ. По видимому, до времени представляется одинъ исходъ изъ слушающихъ противорѣчій, именно: разделить въ своей душѣ потребности Вѣры и потребности знанія, какъ два различные рода потребностей, удовлетворять вѣсть и тѣмъ и другимъ, не заботясь однакожъ о ихъ связи между собою; въ наукѣ — рѣшительно держаться ея началъ и безусловно принимать ея выводы, каковы бы они ни были, а въ жизни также безусловно отдаваться внушеніямъ Вѣры, не обращая вниманія на противоположности знанія?

Нѣтъ, это было бы малодушіемъ, или даже своего рода двоедушіемъ, которое не разрешаетъ себѣ противорѣчій, а молча признаетъ ихъ обоюдную, какъ бы безусловную силу и предумышленно вступаетъ съ ними въ прискорбную сдѣлку, во всякомъ случаѣ недостойную истины. Даже — едва ли такая сдѣлка и возможна: съ одной стороны наука не мо-

жетъ не имѣть вліянія на жизнь, съ другой — жизнь всегда и вездѣ предшествуетъ наукѣ, и ей не уйти отъ вліянія жизни.... Какое же возможно положеніе, достойное и разумное, среди смущающихъ насъ противорѣчій?— Всякое являющееся предъ нами противорѣчіе познанія кореннымъ основаніемъ Вѣры пусть отражаетъ отъ себя наше сердце, — помысленіемъ о непреложной истинѣ *Божіей премудрости*, пусть умъ сознаетъ въ такихъ противорѣчіяхъ не безусловную добычу знанія, а напротивъ несовершенство своего познанаія, и потому— пусть не останавливается на нихъ, какъ на последнемъ словѣ истины, но, идя дальше, усиленно домышляется до возможнаго примиренія выводовъ человѣческой науки и созерцаній Божественной Вѣры. Благодареніе Богу, въ наше время мы не лишены нѣкоторыхъ истинно благочестивыхъ и строго научныхъ опытовъ такого примиренія. Не будемъ относиться къ этимъ опытамъ такъ, какъ будто ихъ вовсе не было, и продолжать выставлять тѣ или другія противорѣчія, которыя уже оказались или оказываются не неразрѣшимыми,—къ славѣ Божіей Истины.

Но такое отношеніе къ шнмымъ противоположностямъ Вѣры и знанія, очевидно, предполагаетъ твердое утвержденіе въ Вѣрѣ, въ ея истинѣ, въ ея началахъ и силахъ животворящихъ и просвѣщающихъ. И мы, хотя и въ помощи слова, призываемъ къ сему утвержденію всѣхъ ищущихъ истинной мудрости, — призываемъ крѣпкою Любовію Божіею, которая Сама за насъ распялась, чтобы свободить насъ отъ нашихъ вольныхъ, смертію лежавшихъ на насъ, противорѣчій не познанаія только, но цѣлой жизни.

Приступите къ сей Божіей любви и Божіей премудрости, юже предъстави Богъ прежде вѣкъ въ славу нашу — приступите и просвѣтитесь, и лица ваша не постыдятся. Аминь.

Протоіерей Н. СЕРГІЕВСКІЙ.

КРЕЩЕНИЕ ГОСПОДА НАШЕГО ИСУСА ХРИСТА.

О крещеніи Христа Спасителя говорятъ всѣ четыре евангелиста. Подробнѣе другихъ повѣствуетъ евангелистъ Маттеей, но и сказанія прочихъ евангелистовъ заключаютъ въ себѣ указанія очень важныя для яснаго уразумѣнія этого много-знаменательнаго событія въ жизни нашего Спасителя.

Проповѣдь Іоанна Крестителя была проповѣдію покаянія, крещеніе его — символомъ очищенія, омытія грѣховъ. Для чего же Иисусъ Христосъ, чистый и безгрѣшный отъ самаго рожденія, идетъ на Іорданъ къ строгому проповѣднику покаянія и отъ руки его пріемлетъ крещеніе? Вопросъ этотъ не могъ рѣшить себѣ самъ Креститель, по божественному вдохновенію познавшій въ грядущемъ къ нему Иисусъ обѣтованнаго Мессію: *Іоаннъ же возбраняше Ему, глаголя: азъ требую Тобою креститися и Ты ли зридеши ко мнѣ? (Матте. 3, 14).* Иисусъ Христосъ успокоилъ его недоумѣніе слѣдующими словами: *остави мнѣ, тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду.* Что означаютъ эти слова?

Крещеніе Ісуса Христа нельзя представлять себѣ событіемъ, отдѣльно стоящимъ въ Его земной жизни; напротивъ оно не только имѣетъ тѣсную связь со всемъ ходомъ Его служенія нашему спасенію, но составляетъ рѣшительное и полное начало этого служенія. Единому Безгрѣшному, возжелавшему предъ вѣчною Правдою искупить падшее человечество, *подобало* свободою Своею поставить Себя предъ Богомъ въ положеніе грѣшнаго человечества: почувствовать и вынести на Себѣ все бремя его грѣховности, — въ лицѣ Своей святости представить Богу и Отцу всё соестественное Ему человечество, обремененное сознаниемъ грѣха, готовое подвергнуться всей силѣ дѣйствія Божественнаго правосудія. Отсюда становится понятнымъ, почему Ісусъ Христосъ требуетъ для Себя крещенія, какъ символа покаянія въ грѣхахъ человечества, для спасенія котораго Онъ воплотился, — какъ предначатія Своего страданія за грѣхи міра, и называетъ это исполненіемъ *правды*. Нельзя сомнѣваться, что проповѣдь Іоанна о покаяніи не только ни для кого изъ іудеевъ, но и для самаго Іоанна не представлялась во всей глубоко-знаменательной своей силѣ; полная правда ея была открыта только Единому, взявшему на себя грѣхи міра. Самъ Онъ былъ свободенъ отъ всякаго грѣха, и потому могъ содѣлаться совершеннѣйшею жертвою за грѣхъ; но тѣмъ сильнѣе въ Немъ было сознание тяжести грѣха падшаго человечества, ради котораго Онъ воплотился и воочеловѣчился. Самое чувство, или сознание въ Себѣ человѣческой хотя и безгрѣшной плоти у Него не было однимъ личнымъ сознаниемъ, какъ будто бы Его чистая святая плоть не имѣла ничего общаго съ остальнымъ человечествомъ, но скорѣе было сознаниемъ Своей принадлежности къ человѣческому роду, который Онъ восхотѣлъ отъ грѣха и нечестія возвести къ Своей святости. Таково дѣйствіе Его любви, по которой самая святость Его нисходитъ къ сознанию всеобщей грѣховности. И когда теперь проповѣдь Іоанна, имѣвшая въ виду именно пробуждать это сознание въ грѣшныхъ

людяхъ, достигла высшей степени своей силы и строгости, то душа Иисуса воспріяла на себя чувство человѣческой грѣховности, и Онъ идетъ къ водѣ очищенія, Санинѣ Богомъ установленнаго и совершаемаго чрезъ Его пророка; и конечно никто изъ крестившихся не зналъ и не чувствовалъ въ такой степени необходимости этого очищенія для себя, въ какой чувствовалъ оную Иисусъ для всего человечества. Такимъ образомъ въ крещеніи проявилось какъ первое торжественное дѣйствіе Его божественной любви къ падшему человечеству, низхождение Его до униженной мѣры очищенія, одинаковой съ согрѣшившимъ человечествомъ,—взятіе на Себя всѣхъ грѣховъ человѣческихъ и предначинательное низхождение, какъ бы во гробъ, въ струи Иорданскія. Потому — то дѣйствіе крещенія покаянія въ крещеніи Иисуса собственно обнаружилось, во всей полнотѣ, благоволительнымъ гласомъ Бога Отца о Сынѣ возлюбленномъ, и — сошествіемъ на Него Духа Святаго. Иисусъ Христосъ, какъ чистѣйшій представитель всего — человечества, омывая Свою плоть крещеніемъ, тѣмъ самымъ торжественно предъоымываетъ во Иорданѣ грѣхи людскіе, взятыя Имъ на Свою отвѣтственность: такимъ — то рѣшительнымъ началомъ искупленія падшаго человечества Искушитель востину отвергаетъ небо землѣ и являетъ человѣкамъ невѣдомую дотоле имъ тайну Тройческаго поклоненія. Такимъ образомъ, Іоаннъ Креститель только послѣ крещенія возвѣщаетъ Иисуса *Лицемъ Божиимъ, возмлающимъ грѣхи мѣра* (Іоан. 1, 29); тогда какъ прежде въ своей проповѣди представлялъ Его только сильнѣйшимъ себѣ, грядущимъ за собою, отистителемъ забеззаконія и воздаятелемъ за добро (Матѣ. 3, 10—12; Марк. 1, 7—8; Лук. 3, 9—17; Іоан. 1, 15, 26, 27). Онъ прямо призываетъ народу, что до крещенія онъ не зналъ Иисуса (Іоан. 1, 31, 33), что видно изъ санои попытки его не допустить Иисуса до крещенія. Сознавая свою собственную внутреннюю нечистоту, Іоаннъ самъ желалъ креститься отъ Иисуса, но не зналъ, для чего безгрѣшному, чистому Господу потребно крещеніе?

Въ краткомъ отвѣтѣ Иисуса, какъ его передаетъ евангелистъ Матей (Мате. 3, 15), разрѣшается это недоумѣніе Іоанна.

По словамъ ев. Луки, Иисусъ *молился* во время крещенія (Лук. 3, 21). Съ уразумѣніемъ цѣли крещенія Иисуса, даѣтся уразумѣть и о предметѣ его молитвы, отвѣтомъ на которую служили последовавшія за тѣмъ чудесныя знаменія. Омывая грѣхи человечества въ Іорданскихъ струяхъ, Иисусъ молился о томъ, чтобъ, чрезъ Его безгрѣшное омовеніе распространилось очищеніе на все грѣшное человечество, и можетъ быть также о томъ, чтобъ Его человѣческому естеству Отецъ даровалъ силы, если можно такъ выразиться, вполнѣ совершить начатый крещеніемъ подвигъ очищенія и искупленія человечества. Въ послѣдствіи предъ окончаніемъ этого подвига, мы видимъ, Онъ молился о томъ же самомъ; разумѣемъ здѣсь такъ-называемое моленіе о чашѣ. Последовавшими за молитвою Иисуса знаменіями Богъ показалъ, что Онъ услышалъ молитву Сына Своего. Отверстіе небесъ, Божественный гласъ и видимое сошествіе Св. Духа, — вотъ знаменія, которыми Богъ ощутительно для всего народа, присутствовавшаго при крещеніи Иисуса (Лук. 3, 21—22), отвѣтилъ на крещеніе и молитву Своего возлюбленнаго Сына.

Чтобъ уразумѣть силу перваго знаменія, нужно представить себѣ первобытное состояніе чловѣка, когда онъ былъ еще добрѣ и безгрѣшенъ. До грѣхопаденія между Богомъ и чловѣкомъ существовало тѣсное общеніе, имѣвшее, по самому свойству чистой, неспорченной природы чловѣческой, характеръ видимаго присутствія Бога въ раю. Но какъ скоро грѣхъ повредилъ природу чловѣка, то чловѣкъ, какъ бы пропастью, грѣхомъ отлучилъ себя отъ Бога; херувимъ съ пламеннымъ мечемъ заградилъ чловѣку входъ въ райское жилище, гдѣ онъ могъ прежде видимымъ, ощутительнымъ образомъ сообщаться съ своимъ Богомъ; и когда потомъ грѣхи людскіе превысили долготерпѣніе Божіе,